

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Под колесами

поезда

МОСКВА

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использован коллаж
из рисунков художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Под колесами поезда / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2019. —
320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-100959-5

В подвале дома бомжи обнаружили ботинки с застрявшими в них отрезанными ступнями. Страшную находку передали в МУР полковнику Гурову, где ее опознала сестра недавно пропавшего Олега Плотарева. По ее словам, приехавший с севера брат гостил у нее несколько дней, потом сел в поезд, но до дома не доехал. Гуров и Крячко начинают следствие и вскоре находят труп Плотарева с отрезанными поездом ногами. Сыщики определяют круг знакомых Олега, изучают его биографию и вскоре понимают, что Плотарев погиб не случайно. Его смерть — жестокая месть за тяжкий грех, совершенный в молодости...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100959-5

© Макеев А.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Обычный рабочий день сотрудника МВД, отвечающего за пропускной режим, во всех ведомствах и отделах выглядит совершенно одинаково. Принял пост, расписался в журнале и сиди себе, на удостоверения поглядывай да входящих регистрируй. Ничего сложного, ничего интересного и уж тем более ничего интригующего. Будь то пропускная вертушка в захудалом Старореченске, где самым опасным социальным элементом является баба Дуся, торгующая самогоном, или же электронный турникет Главного управления уголовного розыска Москвы, стены которого видели столько боли и страданий добропорядочных граждан и столько же жестокости и мерзости, совершенных «двуногими», которых и людьми-то назвать сложно.

Нет, конечно, сидеть и чай гонять дежурному некогда. Он своего рода распределительная станция, которая никогда не простаивает, особенно в больших городах. С чем только не обращаются к нему растерянные, встре-

воженные, а порой и заплаканные граждане: кошелек украли, сумку в транспорте порезали, гараж вскрыли, квартиру обчистили, соседи бунтят, покоя не дают. Мелочи? Пожалуй. Во всяком случае, с такими проблемами более сообразительные люди идут к участковому, а не на Петровку. Но в каждом городе есть такая категория пострадавших или потерпевших, которым и в голову не придет придерживаться каких-то правил. Такие идут напрямик к «самому главному». И неважно, капитан ли он по званию или генерал-лейтенант. Важно то, что в районе выше его по званию нет.

Справедливости ради нужно заметить, что таких любителей шагать через головы немного, но процентов двадцать наберется уверенно. Так уж они устроены. Кран ли у него потек, или пробки выбило, колесо пробило, или зубы заболели, он непременно начнет с самых верхов. Он не станет вызывать сантехника, обращаться к электрику, не заедет на станцию техобслуживания и не сядет в кресло стоматолога до тех пор, пока начальник ЖЭКа, директор СТО, главврач стоматологической клиники лично не заверят этого гражданина, что его проблема на особом контроле у начальства и его обслужит лучший сотрудник, какого только можно найти в радиусе ста километров.

Вот с такой категорией граждан дежурный сталкивается ежедневно с восьми утра до ше-

сти вечера, а иногда и во внеурочное время. И решает их проблемы, распределяя по кабинетам, вызывая следователей, дознавателей, уполномоченных по правам человека, участковых инспекторов и инспекторов по делам несовершеннолетних. Он собирает заявления, жалобы, претензии в устном и письменном виде, успокаивает и вразумляет, дает советы, которым не всегда следуют.

Для того чтобы понять, кого и куда направить, дежурный должен каждого просителя выслушать. Вот в этом и заключается его главная функция: он слушает. Истории идут одна за другой, без перерыва, без остановки, к концу дежурства сливаясь в один сплошной поток, а иной раз и сплетаясь в ужасный клубок преступлений, правонарушений и проступков, который так и хочется поднять и запустить куда подальше. Так далеко, чтобы ни тени, ни запаха не осталось.

Но бывают дни, когда события, происходящие в вестибюле полицейского отдела, становятся определяющими для последующего расследования. Хорошо, если дежурный полицейский, ориентируясь на внутреннее чутье или же под влиянием момента, сумеет распознать такой вот ключевой момент и не выставит важного свидетеля или раскаявшегося убийцу за порог, посчитав их проблемы не заслуживающими внимания. А если слу-

чится наоборот? Допустим, перед дежурным полицейским возникает фигура шуплого подростка. Смущаясь и запинаясь, тот сообщает, что его приятели собирают бомбу в гараже его отца. И выкладывает целый список юных подрывников.

Какова первая мысль дежурного? Правильно! Парнишку достали одноклассники, и он придумал способ им отомстить. Дежурный рвет тетрадный лист с нацарапанными на нем фамилиями, строго глядит на подростка и выпроваживает вон из отдела. А через два дня на Сенной площади гремит взрыв, и самодельная бомба уносит жизни двенадцати человек. Тут-то дежурный и вспоминает подростка и его список, и у оперативников начинается жаркая пора. Они отправляются в бесконечный поход по школам, где по составленному фотороботу пытаются вычислить подростка. А ведь все могло быть иначе, распознай дежурный правду в его словах.

Или же взглянет дежурный на старенькую бабушку, клюшкой деревянной по мраморным плитам постукивающую, подзовет к себе. Что, мол, бабуля, у тебя стряслось? А она давай рассказывать, как бессонницей мучается да как все ночи напролет возле окна кухонного просиживает. И вот, сидя у этого самого окна, видела она, как двое подозрительных мужиков из подъезда сверток огромный выво-

локли и в багажник машины зачихали. И не преминет заметить, что сверток этот уж больно на человеческое тело похож был. Не труп ли кого из соседей в багажнике ироды увезли?

Дежурный посочувствует бабуле по поводу бессонницы, украдкой посмеется над ее фантазиями, посоветует перед сном принимать ромашковый чай, мол, успокаивает. И отправит восвояси. А через час генералу разрядка сверху: срочно заняться исчезновением гражданина такого-то, который вместе с ковром из дома исчез, причем той же ночью, про которую бабуся говорила. И снова оперативникам по домам бегай, бабусяю разыскивай, чтобы ориентировку на автомобиль получить. А бабуся с обиды на дачу рванула, и где эта дача находится, ни соседи, ни родственники не знают, так как самой бабке она не принадлежит, и отдыхает она у недавней знакомой по поликлинике.

Бабку в итоге опера найдут, приметы автомобиля, что гражданина в ковре увез, получат, да только время уже упущено. Автомобиль перекрашен или на запчасти разобран. Ковер в печи сожжен, а труп рыбы в отдаленном пруду доглядывают. И снова все могло повернуться иначе, окажись дежурный более бдительным. Истории, подобные этим, можно рассказывать до бесконечности. Любого опера, любого следователя и даже прокурорского

работника спроси, и он тебе с десятков таких историй расскажет, причем из своего личного опыта.

Вот почему, когда в вестибюль Главного управления МВД угрозыска вошел мужчина бомжеватого вида, дежурный, старший лейтенант Игнатьев, отодвинул в сторону журнал регистрации, но выпроваживать бомжа на улицу не спешил. На вид мужчине было лет сорок пять или около того, но по опыту Игнатьев знал, что на самом деле ему может быть и двадцать, и тридцать лет. Жизнь на улице никого не красит и сохранению молодости не способствует. Одежда вошедшего, добротная дубленка покроя десятилетней давности, спортивная шапка с подкладкой и стеганые лыжные брюки, все еще хранила на себе следы бывшего ухода. Видимо, совсем недавно бомжу подфартило, и он наткнулся на «богатую мусорку» или разжалобил кого-то из жителей столицы, и тот пожертвовал ему одежду с барского плеча.

Лицо бомжа оказалось вымытым и даже выбритым, а волосы пусть и неаккуратно, но все же постриженными. Огромного размера варежки из овечьей шерсти довершали картину. В целом бомж смотрелся вполне прилично, да и пах не так одуряюще, как многие его собратья. Тем не менее лейтенанту Игнатьеву он доверия не внушал. Было в нем что-

то, отчего у более впечатлительного человека наверняка мурашки по спине побежали бы. Проскальзывало что-то в его взгляде, почти неуловимая искорка безумия, что ли? «Так в фильмах про психушку безумцев-интеллектуалов изображать любят», — подумал Игнатъев, прежде чем бомж заговорил.

— День добрый, гражданин начальник, — вежливо и вполне трезво произнес он. — Не могли бы вы пригласить ко мне товарища полковника?

— Полковника? — Брови Игнатъева слегка нахмурились. — Какого полковника?

— самого главного, разумеется, — вроде как удивился бомж непонятливости дежурного.

— Ну, разумеется. самого главного, кто бы сомневался, — сдерживая улыбку, произнес Игнатъев. — Простите, а я вам не подойду? Я вроде как тоже главный. На этом посту у меня полномочий побольше, чем у иного генерала.

— Не, генерал мне не нужен, — не смутился бомж. — Мне полковник нужен. Он мой друг, мы с ним работаем вместе, а вас я не знаю.

— Так давайте познакомимся, — предложил Игнатъев. — Я — старший лейтенант Игнатъев, а к вам как обращаться?

— Чемберлен я, — заявил бомж, но руку, на радость Игнатъеву, не протянул.

— Значит, Чемберлен? Очень приятно. И для чего, гражданин Чемберлен, вам понадобился полковник?

— Ботиночки вот, — чуть помедлив, словно решая, можно ли обсуждать этот вопрос с лейтенантом, начал Чемберлен. — Хорошие ботиночки, добротные. Ни одной дырочки, я проверил.

— Желаете предложить полковнику ботинки? — улыбнулся Игнатъев. — Не хочу вас разочаровывать, гражданин Чемберлен, но на территории управления торговля запрещена. Даже для самых главных полковников.

— Мои-то прохудились, — пропустил замечание Игнатъева мимо ушей Чемберлен, — а эти прочные, сразу видно. Такие и за десять лет не сносишь. Чудо, а не ботиночки. — И он потряс замусоленным пластиковым пакетом, в который обычно складывают строительный мусор.

На этот пакет Игнатъев обратил внимание сразу, как только бомж вошел в вестибюль, но особого значения этому факту не предал. Бомжи, они на то и бомжи, чтобы весь нехитрый скарб за собой таскать. Теперь же он насторожился, мало ли что у этого Чемберлена на уме. Может, он бомбу в Управление принес. В таких вопросах нужно проявлять бдительность.

— Что в пакете? — отбрасывая панибратский тон, строго спросил старший лейтенант.

— Ботиночки, — невозмутимо ответил Чемберлен. — Прочные и красивые.

— Где взял?

— Нашел. Они в коробке лежали, я коробочку открыл, гляжу, а там ботиночки. Ну я коробку в пакет положил. Для верности.

— А коробка в магазине стояла? — допытывался Игнатъев.

— Да нет же. В подвале. Выкинул ее кто-то. Я — не вор какой, я — честный человек.

— Так чего вы их сюда приволокли? Нашли ботинки — берите и пользуйтесь, — удивился старший лейтенант.

— Боюсь, полковник не одобрит, — заявил бомж. — Мне бы его согласие получить, я бы и ушел.

— Знаешь что, гражданин Чемберлен, — переходя на «ты», сказал Игнатъев, — если каждый бомж станет к полковнику за одобрением ходить и всякий мусор со свалки в Управление таскать, то полковнику и на работу времени не останется. А ему, между прочим, преступников ловить нужно. Шел бы ты отсюда, Чемберлен, подобру-поздорову.

— Без ботинок не уйду, — уперся Чемберлен. — Позови полковника. Разрешит он ботиночки взять, я и уйду.

— Считай, что разрешение у тебя есть. Выбор твой я одобряю. Крепкие ботинки всегда лучше, чем дырявые. Носи с удовольствием

и лейтенанта Игнатьева добрым словом вспоминай. Все, вопрос закрыт.

— Позови полковника. — В голосе бомжа зазвучало то ли раздражение, то ли отчаяние. — Не могу я их взять, пока полковнику не покажу. Куда я содержимое дену? В урну выкину?

— Какое еще содержимое? — переспросил Игнатьев.

— Это я полковнику скажу, к вам у меня доверия нет.

— Ах, доверия нет? Да, это проблема. А что, если я сейчас возьму, да вызову наряд. Оформим тебя в «обезьянник» за нарушение правопорядка, а коробку твою изымем. Тогда доверие появится?

— Зови полковника, — зло глядя на Игнатьева, бубнил Чемберлен. — Он мой друг, мы работаем с ним. Гуров разберется, что делать надо. И ботиночки мне оставит. Гуров — человек, а ты только грозиться умеешь.

— Гуров? Так вот какой полковник тебе понадобился. — Игнатьев бросил взгляд на журнал регистрации. — Так нет его в Управлении, не пришел еще.

— Врешь! Он рано приходит, я знаю, — не поверил его словам бомж. — Зови Гурова или пожалеешь!

— Пока не покажешь содержимое пакета, кроме наряда, никого не позову, — поняв, что

добром бомж не уйдет, объявил Игнатъев. — Кто тебя знает, что ты с собой притащил. Может, ты убить полковника Гурова решил, а в коробке у тебя бомба самодельная.

Чемберлен молчал минуты две, анализировал слова Игнатъева. Потом осторожно вынул из пакета коробку, но, прежде чем передать ее лейтенанту, еще раз спросил:

— А ботиночки не отберешь?

— Не нужны мне твои ботиночки, — заверил Игнатъев. — У меня своих полна кладовка.

— И Гурова позовешь?

— Позову. Открывай коробку.

Чемберлен еще немного помялся, потом поставил коробку на полку перед Игнатъевым и снял крышку. Старший лейтенант осторожно заглянул, и глаза его поползли на лоб.

— Что это?

— Ботиночки, — спокойно ответил бомж.

— А в ботиночках что?

— Ножки, — так же спокойно сообщил Чемберлен. — Чьи-то ножки, вернее, ступни. Они-то мне ни к чему, а вот ботиночки добротные. В такой мороз в самый раз будут. И размер мой.

— Ты их трогал? — набирая номер полковника Льва Ивановича Гурова, спросил Игнатъев. — Трогал ботинки?

— А как же? К ступне примерял. Так я смогу их забрать?